

ВООРУЖЕНИЕ СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА *

В наших представлениях о русском военном искусстве и военной организации XVI—XVII веков есть немало настоящих «белых мест» или традиционно проходящих через историческую литературу поверхностных суждений и ошибок.

Без преувеличения можно сказать, что еще не делалось попыток описать и оценить тактику стрельцов в тех боевых операциях, которые они вели в течение полутора столетия лет, начиная от казанских походов и кончая азовскими, а это создает один из самых зияющих пробелов, мешающих выяснению общего хода нашей военной истории. Этот пробел не может быть восполнен, пока не разработан надежно и прочно другой вопрос — о стрелецком вооружении. Его изучение важно и для правильного понимания устройства стрелецкого войска и всей его исторической роли и судьбы.

В настоящей статье я не задаюсь целью описать все то оружие, каким пользовались или могли пользоваться стрельцы; я постараюсь лишь выяснить, что именно в вооружении стрельцов было определяющим для их военно-тактического значения и организации.

Следует прежде всего категорически возразить против одного укоренившегося в исторической литературе представления.

Все авторы, писавшие о стрельцах, начиная от Н. И. Новикова и кончая М. Н. Покровским и С. К. Богоявленским, утверждают, что все стрелецкие приказы состояли не только из стрелков, снабженных огнестрельным оружием, но и имели в своем составе особые сотни копейщиков.

Это утверждение мы находим у Висковатова, Беляева, Родиславского, Брикса, Шпаковского. У Брикса, например, оно изложено так (в применении к XVII веку): „wie schon früher zerfielen die Stelzen jeder Abteilung in Pikenieren (Kopeischtschiki) und Schützen (Strelzy), von denen die ersten als Elitesoldaten betrachtet wurden und in den Prikasen und Regimenten die ersten Centurien gebildet zu haben scheinen“¹.

С. К. Богоявленский пишет, что «некоторые стрелецкие сотни имели мечи и копья и назывались сотнями «копейщиков»². С. К. Богоявленский повторяет это утверждение и в своей недавней статье «Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.»³.

В особенно подчеркнутой форме это мнение о стрельцах-копейщиках высказано в статье М. Н. Покровского «Стрельцы» (в Энциклопедии изд.

* Настоящая статья является одним из разделов работы автора об организации и составе стрелецкого войска в Московском государстве XVI—XVII вв.

Гранат): «Вопреки довольно распространенному представлению это вовсе не была пехота, вооруженная огнестрельным оружием, были стрелецкие полки и конные, и даже раньше всего упоминаются именно конные стрельцы; часть пехоты была вооружена копьями, как и всякая пехота того времени; наконец, у стрельцов была и артиллерия, от 5 до 10 орудий на приказ. Словом, стрельцы — это армия, а не род оружия».

Перешедшее к Покровскому от других авторов представление, что существовали среди стрельцов особые копейщики, вырастает у него в подчеркнутое отрицание определяющего значения ручного огнестрельного оружия для характеристики стрелецкого войска.

Однако данные источников заставляют считать ошибочным это установившееся мнение даже в тех случаях, когда оно высказывается не в столь гиперболической форме, как у Покровского. Во всех тех памятниках, которые относятся к истории, вооружению, организации и быту стрельцов, нигде не отразилось существование стрельцов-копейщиков. Нигде в материалах не видно, чтобы стрелецкий приказ, как правило и норма, распался на разнородно вооруженные подразделения. Между тем, если бы такое разделение стрельцов действительно имело место, оно должно бы было найти отражение даже в таких материалах, как описания стрелецких слобод, и в документах, связанных с торговой, ремесленной и сельскохозяйственной деятельностью стрельцов. Мы встречаем в подобных делах среди стрельцов и знаменщика, и барабанщика, и сиповщика, но никогда не видим стрельца-копейщика. Но, не ограничиваясь этим доказательством от умолчания, сошлюсь на многочисленные свидетельства, непосредственно относящиеся к стрелецкому вооружению.

Один из первых иностранцев, писавших о стрельцах, Флетчер, оставил следующее описание их вооружения: «У стрельца или пехотинца нет никакого оружия, кроме ружья в руке, бердыша на спине и меча сбоку. Ложе его ружья не такое, как у мушкета, но гладкое и прямое, несколько похожее на ложе охотничьего ружья, отделка ствола груба и неуклюжа, и он весьма тяжел, хотя стреляют из него небольшой пулей».

Другие авторы — Паерле, Карлайль, Мейерберг — повторяют те же основные данные. Почти через сто лет после Флетчера Пальмквист в своем альбоме зарисовывает стрельца с мушкетом, саблей и бердышом. Хотя существовало всегда кроме пехоты и некоторое количество конных стрельцов, стрелецкое войско все же представлялось иностранным наблюдателям как пехота по преимуществу. К тому же конные стрельцы имели огнестрельное оружие, т. е. были по сути дела посаженной на коней пехотой. Так, епифанские конные стрельцы в 60-х годах XVI века служили «с пищалами на меринех»⁴.

Паерле, описывая конных стрельцов, встретивших посольство, говорит, что к седлам у них были привязаны ружья⁵.

Олеарий, объясняя своим читателям слово «стрельцы», называл их мушкетерами.

И в упоминаниях о стрельцах русских литературных памятников перед нами тот же образ воина, отличительная черта и основная особенность в вооружении которого — ручное огнестрельное оружие. Там, где наши литературные памятники говорят об оружии стрельцов, всегда налицо ручная пищаль. Второй хронограф, который дает нам ценное сообщение о начале стрелецкого войска, говорит именно о «выборных стрельцах из пищалей»⁶.

В действиях под Казанью в 1552 г. русское войско описывается летописью следующим образом: «И бе много множество людей безчисленно яко бе невместимо круг града, и атоманы бяше и стрельцы с пищалами много множество со всех стран и обступиша град великою силою»⁷.

Под Сыренском (Вейссенштейн в Ливонии) в 1558 г. роль стрельцов изображается так: «И туры вокруг города исоставили и наряд по всем турам расставили, а стрельцы с пищалами пред турами в закопях поставили и учили по городу стреляти из всего наряду из пищалей по вокнам»⁸.

В «Повести о приходе короля Степана на град Псков» читаем про действия разных ратных людей: «Овни же под стеною с копья стояху, стрельцы же из пищалей по ним (по врагам. С. М.) стреляше, дети же боярские из луков стреляху»⁹.

Наказы стрелецким головам и другие документы, относящиеся к приборам в стрельцы, всегда содержат в себе требование прибирать в стрельцы людей, «которые б из пищалей стрелять были горазды».

К представлению о стрельце, как о стрелке, а не о воине с холодным оружием, ведет и этимология самого этого слова.

Еще более важны и показательны те материалы, которые дают нам возможность познакомиться с вооружением отдельных стрелецких частей, приказов и гарнизонов. Такого рода материалы встречаются в делах Разряда, а иногда и в разрядных книгах.

Начнем с данных о московских приказах. Сведения об их вооружении наиболее интересны, так как московские стрельцы служили предметом наибольших забот, здесь мы вправе ожидать наибольшей правильности и последовательности и, главное, московские приказы предназначались для полковой службы, тогда как значительная часть городских стрельцов оставалась на службе гарнизонной.

Отсутствие архива Стрелецкого приказа, к сожалению, не дает нам возможности рассчитывать на сколько-нибудь полные сведения. Приходится довольствоваться некоторыми из разрядных книг¹⁰ и двумя-тремя документами, случайно сохранившимися в фонде Разрядного приказа.

В разрядной книге 1615 г. в полку Ф. И. Шереметева, отправляемом к Пскову, значится: «с вогненным боем с головою стрелецким Московских стрельцов 500 чел.»¹¹. В книге 1617 г. в наказе Пожарскому, стоявшему с полком в Калуге, говорится: «Головам и сотникам беречь накрепко, чтобы у стрельцов и у казаков пищали были у всех сполна..., а у которых у стрельцов и у казаков пищалей нет, даваны будут им пищали из государевы казны, и им на тех стрельцах и на казаках пищали велети доправить, чтобы однолично никаков стрелец или казак без пищалей не были»¹².

В 1618 г. в росписи ратных людей по московским городским укреплениям, сделанной в ожидании нападения поляков, всюду, где оружие стрельцов указано, это — пищаль¹³.

Очень часто разрядные книги, записывая оружие других категорий ратных людей, ничего не говорят о стрелецком, видимо, полагая его само собой разумеющимся.

Среди книг Белгородского стола Разрядного приказа Архива Древних актов находится «Переписная книга оружия московских стрелецких приказов», которую можно датировать 70-ми гг. XVII в.¹⁴. Речь идет о восьми приказах московских стрельцов, находившихся в этот момент на Украине в ведении Белгородского полка: Сем. Грибоедова, Гр. Титова, Як. Лутохина, Алекс. Карандеева, Никиф. Борисова, Алекс. Танеева, Никиф. Колобова, Аф. Спешнева. Предмет описи — артиллерийский наряд¹⁵ и всякие «припасы», т. е. арсенал каждого приказа, его боевые и хозяйственные запасы и возвращаемое сюда поломанное и неисправное оружие. Опись не распространяется на оружие, находившееся на руках у стрельцов, но вряд ли мы можем предположить наличие среди этого последнего таких видов его, которые не были бы отражены и в составе «припасов». Как и следовало ожидать, ручные пищали или мушкеты фигу-

рируют в каждой из описей в значительном количестве. В одном приказе «10 пищалей длинных с замками и с шомпули железными к походу годятца», и «109 мушкетов с жагры, по осмотру 50 к походу годятца, 30 мушкетов без спусков, 29 в новые станки»; в другом—«309 мушкетов, по осмотру 229 к походу годятца, 80 в починку, к ним починки спуски да петли, что привертывают стволы к станкам, а те мушкеты все с жагры»; в третьем — «250 мушкетов с жагры, по осмотру 200 к походу годятца, да 37 мушкетов с замки и с жагры»; в четвертом — 108 мушкетов с жаграми; в двух—113 и 51 пригодных для похода мушкетов без указания устройства их; только в одном приказе число мушкетов значится небольшим: 14 штук, все с жаграми.

Число кремневых ружей, находившихся на вооружении, видимо, было большим, чем можно подумать по описи припасов, так как там же значатся в некоторых приказах довольно большие количества ружейных кремней. Так, в припасах приказа Титова, где указаны были только мушкеты с жаграми, видим: «6 тысяч кремней к замочным ружьям»; в приказе Борисова, где в припасах также только фитильные ружья, — 650 кремней. В каждой описи припасов значится большое число «ремней с банделеры». Случаи недостачи их до числа годных ружей отмечаются описью.

Далее отметим в ряде приказов значительный запас ручных гранатных ядер; они значатся в разных приказах в следующих количествах: 455, 489, 1144, 366, 462, 210; в описи двух приказов о них ничего не сказано.

Что же касается холодного оружия, то о нем опись говорит немного. Лишь в одном приказе находим 67 бердышей, а в другом пять протазанов и пять аллебард; только в одном случае «1 древко копейное красное». Это последнее не может, конечно, помешать нам признать, что никакого признака наличия копейщиков в этих московских приказах наша опись не обнаруживает. Интересно в связи с этим отметить, что в помещенной в той же книге описи припасов солдатского полка Мих. Вестова значится при 144 мушкетах 170 пик¹⁶.

О двух приказах московских стрельцов (Ив. Грибоедова и Ром. Ефимова) говорит отписка Гр. Ромодановского из Курска в 1673 г., содержащая опись «наряда и всякого полкового и обозного строя» этих приказов, присланных из Рыльска в Курск. В первом из них «налицо 784 человек», в перечне же припасов указано «пушечного зелья на пищали и стрельцам 784 человек, ручного по 50 выстрелов на человека», т. е. порох для мушкетов рассчитан на все число наличных и приказе стрельцов. Ручное зелье вместе со свинцом и фитилем составляет и припасы приказа Ефимова, но здесь, при той же норме 50 выстрелов на человека, не указано, на какое число оно рассчитано¹⁷.

Несколько иной характер имеет «Роспись полковых стрелецких припасов», оставленных в Рыльске двумя приказами московских стрельцов (Як. Лутохина и Кондр. Крома), проходивших здесь «с великого государя службы из под Чигирина» в 1679 г. В ней указано имущество, которое, видимо, при возвращении стрельцов в Москву было оставлено, как излишне обременяющее их в походе. Среди него мы видим бочки пороха, свинец в гирих, сеченый свинец, литые свинцовые пульки, гранатные ядра, всякие «подкопные снасти» и т. д. Обращает на себя внимание присутствие в одном приказе 113 «длинных чинаровых спис», а в другом 109 «копеец списных»¹⁸.

Однако эти «списы» и «копейца» не должны заставить нас отказаться от мнения об отсутствии в стрелецких приказах особых подразделений,

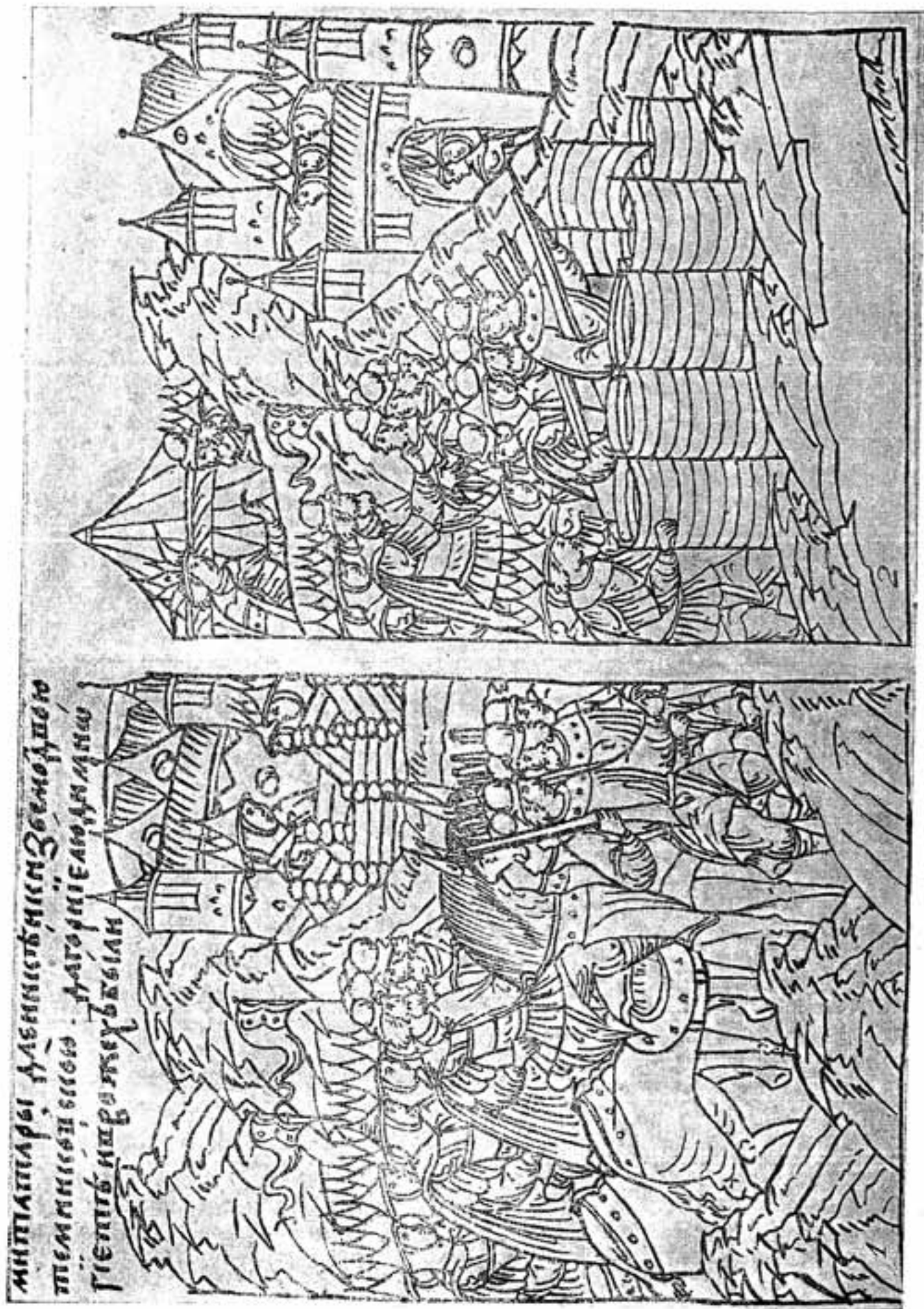

Рис. 1. Стрельцы в походе.
(Миниатюра из Царственной книги).

Рис. 2. Стрельцы стреляют из-за туров.
(Миниатюра из Царственной книги).

Рис. 5. Стрельцы стреляют из-за ограды из спис. (Миниатюра из Никоновской летописи).

снабженных вместо мушкетов оружием на древках. Это не основное, а вспомогательное вооружение, выдача которого вызвана определенными потребностями момента. Интересно отметить, что оно значится в припасах, оставленных в Рыльске, среди которых мушкеты вовсе не фигурируют. Подобные сведения мы имеем для того же 1679 г., т. е. времени после падения Чигирина, когда ожидалось наступление турок на Украину, и относительно припасов отправляемых туда стрелецких приказов Сем. Грибоедова, Карандеева, Дохтурова, Парасукова, Бугайского и Бренковского (два последних — сводные приказы низовых стрельцов).

В них значатся «250 копей с древки крашены вместо спис», «72 копыя на длинных древках вместо спис», «109 спис немецких, 70 спис русского дела», «1000 полупишных копейцев»¹⁹. Эти списы или копейца употреблялись не только как ударное оружие, но и для составления так называемых испанских рогаток и других заграждений, защищавших стрелков от кавалерии. Таким приспособлением на Западе в XVII веке часто снабжали именно мушкетеров²⁰. В связи с этим обратим внимание на предписание, содержащееся в одном из наказов той же Разрядной книги 1679 г.: «В стрелецких приказах сделать походные надолбы и рогатки, как к ратному делу пристойней и от неприятельских людей к обороне и к лутчему бережению»²¹.

Вероятно, то же назначение имели «древки без копей», «копейные древки», «списы с тротики» и «древки без тротиков», которые мы находим в некоторых количествах в «Росписи полкового наряда и припасов, отпущенных из г. Путивля в полк кн. В. Л. Долгорукова и в разные московские стрелецкие приказы» в 1680 г.²²

Больше всего при этом было древков без «тротиков» или без «копей» (158 в одном приказе, 78 в другом, 79 в третьем и т. д.), меньше всего «спис с тротиками» — их только 38 в одном лишь приказе. Из прочего имущества отмечу гранатные ручные ядра, «гранатные снасти», «пищали долгие с замками» (в небольших количествах — 6 и 9 в двух приказах), большое количество свинца (119 пудов, 100 пудов и т. д. на приказ), бумага картузная и, главное, кремни «к замочному ружью». Их в приказе Титова 16000 штук, а в других приказах много меньше: 5260, 4000, 7019, или просто «кулек с кремнем за печатью»; в некоторых эта статья не значится²³. Ниже мы остановимся на вопросе о значении кремневого замочного ружья в истории стрельцов.

Мы располагаем также сведениями о вооружении городовых стрельцов. Одним из таких источников могут послужить сметные и росписные книги городов, которые иногда не только содержат именные списки стрельцов, но и указывают их вооружение. К сожалению, это бывает сравнительно редко.

Приведу несколько примеров данных этого рода, отнюдь не предполагая охватить сколько-нибудь полно этот вид источников.

Для 1644 г. оружие стрельцов указано в сметных книгах Новосила, Карачева, Оскола, Воронежа, Кром, Белгорода²⁴. Книга г. Новосила дает сведения о 50 пеших и 240 конных стрельцах. В ней против имени каждого из пеших стрельцов указано: «с пищалью», а против имени почти всех конных: «на мерине с пищалью». Кроме того, в книге найдем список еще 20 стрельцов, примыкающий к списку конных, но ни о лошадях, ни об оружии в нем ничего не сказано, за исключением примечания в шести случаях: «бою нет», и заметки о наличии пищали у одного из десятников.

В Карачеве значится 400 стрельцов и казаков (отдельно численность их не указана). Их список заключен словами: «стрельцы и казаки Семе-

нова приказу Полякова все служат пешую службу, оружие у них у всех — государевы казенные пищали».

В Осколе список 86 стрельцов предварен замечанием: «Оскольские стрельцы все с пищалами». Сметная книга Кром дает три списка: 1) 33 старых стрельцов, о которых сказано: «стрельцы пеши с государевыми пищалами», 2) 48 новоприборных стрельцов «с государевыми казенными пищалами» и 3) 11 новоприборных стрельцов «без ружья». Об этих последних добавлено: «а потому у тех стрельцов пищалей нет, что государевых казенных пищалей не дано им 11 человекам стрельцам, а в Кромах в государеве казне самопалов нет». В Белгороде в этом же году стрельцов 179 человек, про которых сказано: «пищали у них у всех государевы». В Воронеже старых «200 человек стрельцов с пищалами» и новоприборных «стрельцов 157 человек с пищалами».

«Росписной список» г. Севска 1659 г. содержит именную роспись стрельцов с пометкой против имени каждого: «с самопалом и с бердышом». Список заключают слова: «и всего севских стрельцов с самопалы и с бердыши 170 человек»²⁹.

Сметные книги Пскова и его пригородов 1687—1691 гг. об оружии стрельцов двух псковских приказов числом 1155 человек говорят следующее: «А ружье у тех стрельцов государское казенное и свои мушкеты и замковые пищали с алебарды и протазаны и бердыши и банделеры и лядунки, а иным казенного ружья не дано и своего нет». О 300 стрельцах Опочки сказано: «бою у них замковые пищали и мушкеты и бердыши и банделеры». В Изборске 100 человек стрельцов «с самопалы», а в Печерском монастыре 80 стрельцов с «пищалами и бердышами»²⁶. Приведенные примеры типичны. Мушкеты, иногда с бердышами, иногда без них — вот обычное и нормальное оружие городских стрельцов. Данные сметных книг могут быть в этом отношении дополнены и подтверждены и другими источниками.

В одной из грамот, помещенных в Воронежских актах Александра, Дольникова и Второва, идет речь о наличии в Воронеже 182 стрельцов. У них «самопалов казенных у 172 человек добры, а у 10 человек самопалов нет, потому что прибраны внове»²⁷.

Строельная книжка г. Хотмыжска 1640 г., указывая, что число стрельцов там составляет 134 человека, говорит об их вооружении: «И из того числа 126 человек с государевыми с казенными пищалами, что по государеву указу присланы в Хотмыжской в 148 г., а 8 человек с государевыми казенными старыми пищалами, что им дано в городех»²⁸.

В отписке Михайловского воеводы о мерах бережения против татар 1641 г. указаны места, которые должны занимать стрельцы в осадное время, и их оружие; это всегда «вогненный бой», иногда указание точнее: пищаль.

Опись городов 1678 г., где она указывает оружие стрельцов, оставляет то же впечатление. Например, описывая Вологду, она отмечает: «у стрельцов по мушкету да по бердышу»²⁹.

Яблоновские стрельцы, числом около сотни, в своей сказке, поданной в 1680 г., пишут: «а государева жалованья у нас по пищали длинные гладкие с замками»³⁰.

Иногда документ, отмечая, что некоторые стрельцы не имеют мушкетов, указывает, кто именно. Например: «а на Олонце... у стрельцов 282 мушкета, а у пятидесятников и у барабанщиков, у 18 человек мушкетов нет»³¹.

В многочисленных наказах стрелецким головам, хранящихся в делах Разрядного приказа, обычно содержится предписание пересмотреть всех стрельцов «с пищалами и с бердышами» или «с самопалы, и «у ко-

торых стрельцов самопалов не будет, ему (т. е. голове) их заправить». Иногда это выражено несколько иначе: «у которых стрельцов пищалей и бердышей не будет, и ему тем стрельцам сказать, чтобы у них пищали и бердыши были у всех готовы»³².

Актный материал можно дополнить иконографическим. На многочисленных миниатюрах Никоновской летописи и Царственной книги, иллюстрирующих события 1550-х годов и начала 60-х годов, мы видим воинов с ручными пищалами, несущими на плече в походе это оружие

Рис. 6. Фигура стрельца (средняя из трех) с фитильным мушкетом на плече. (Изображение на карте царевича Федора Годунова).

(рис. 1), причем ладонь правой руки поддерживает ложе пищали выше приклада у нижнего конца ствола, или стреляющими с руки без подшошника или бердыша (рис. 2 и 4)³³. Это, конечно, стрельцы. Сопутствующий миниатюрам текст не оставляет в этом никаких сомнений. Никогда мы не видим рядом с ними или среди них воинов, вооруженных копьями.

Любопытна миниатюра Никоновской летописи, на которой изображены стрельцы, стреляющие из-за густой изгороди рогаток, составленной из длинных «спис». Эта миниатюра подтверждает сделанное нами выше предположение о применении этих «спис» (Рис. 5).

На карте, изданной Гесселем Геритцем и приписываемой царевичу Федору Борисовичу (1613), изображен стрелец с фитильным мушкетом и дымящимся фитилем и с саблей (Рис. 6).

Весьма важны рисунки, которые даны на плане осады Смоленска 1632—1634 гг., гравированном знаменитым Гондиусом в 1637 г. (Рис. 8—11).

Среди батальных сцен на этом плане в ряде мест изображены отряды стрельцов на марше, во время стрельбы или как объект атаки польской кавалерии. Среди них нигде не видим копейщиков. Особенно интересно по своей отчетливости изображение стрельцов среди капитулирующих войск Шеина, проходящих перед королем Владиславом. Напротив, в изображении наемной немецкой пехоты в составе польских войск рельефно вырисовываются в центре колонн большие группы пикинеров. В экспликации к плану интересно следующее место, относящееся к атаке конницы Радзивилла против московских стрельцов, которые понесли при этом большие потери: «Московские всадники обратились в бегство, оставив всех своих пехотных стрельцов. Эти стрельцы сражались храбро и жарко..., но был изрублены». Таким образом, здесь предполагается защита стрельцов дворянской конницей и ее отсутствие рассматривается как причина их гибели. В других случаях недалеко от стрельцов Гондиус помещает именно конницу.

Выше уже делалась ссылка на широко известную зарисовку стрельца в альбоме Пальмквиста (Рис. 7).

Что же касается воинов с копьями в известной «Книге избрания на царство Михаила Федоровича», то их нет никакой необходимости принимать в расчет, так же как и другие свидетельства о стрельцах во время торжественных церемоний.

Откуда же могло возникнуть представление о распадении стрельцов на две разнородно вооруженные группы в составе каждой военно-административной единицы? Наиболее ранний автор, у которого нам встретилось это утверждение,— Н. И. Новиков²⁴. От него оно и перешло, вероятно, к более поздним писателям. Скорее всего приходится предположить, что это представление возникло по аналогии с западноевропейской пехотой, современной стрельцам, в основе устройства и тактики которой, как хорошо известно, лежало действительно разделение на мушкетеров и пикинеров. Хотя в течение большей части XVI века число первых и возрастало, но оставалось меньшим, чем вторых. В XVII веке соотношение между ними меняется в пользу мушкетеров, но только в самом конце века, с введением штыка, мушкеты приобретают полную самостоятельность и совершенно вытесняют пику или копье из вооружения пехоты. Так обстояло дело на Западе.

Однако аналогия между стрельцами и западной пехотой в данном отношении, видимо, ошибочна. В отличие от западноевропейской пехоты, стрельцы с самого начала в отношении основного своего оружия представляли войско однородное, предназначенное во всей своей массе для огневого боя в первую очередь. Следовательно, уже в середине XVI века стрельцы с этой стороны оказываются на высоте более поздних фаз развития западноевропейской пехоты. Московское государство со времени Ивана IV располагало, следовательно, наряду с очень неплохой — что признавали иностранцы — артиллерией, и пехотой, более полно насыщенной огнестрельным оружием, чем западная пехотинья. Но в то время, как в Западной Европе стрелки действовали под защитой главной ударной колонны пикинеров с ее массивным построением, в России стрелки, т. е. стрельцы, опирались на конницу — дворянское ополчение или, позднее, кавалерию так называемого иноземного строя

(рейтар, драгун). Более передовая в смысле насыщения огнестрельным оружием русская пехота оказывалась вынужденной действовать в рамках общей военной организации, отличавшейся большим перевесом чисто феодальных элементов, чем та, в которой действовала профессиональная наемная сила Западной Европы.

Отнюдь не рассчитывая в рамках данной статьи полностью разбраться в сложном вопросе о стрелецкой тактике, я лишь приведу ряд примеров из описания осады Казани 1552 г. в Никоновской летописи, чтобы подтвердить высказанное предположение, что стрельцы использовались в сражении именно для «огневого боя» и всегда находились под защитой или специальных сооружений, или дворянской конницы.

23 августа, во время первой стычки под городом, казанцы, «приехав, начаша стреляти на полк, а стрельцы государя нашего из пищалей по ним стреляют. И казанцы конные на пешие стрельцы приехаша и [царь] князю Юрию Ивановичу Шемякину, и князю Федору [Троекурову] велел из полку из своего детем боярским пособити стрельцом».

Через несколько дней после начала осадных работ «стрельцы, по воеводскому повелению на другой стороне Булака, к городу, закопались во рве и не даде из города татаром вылазити». Здесь другой способ обеспечения стрельцов от налетов татарской конницы.

При установке князем Мих. Ив. Воротынским туров, 26 августа стрельцы вместе с казаками и боярскими людьми идут впереди, а пешие дети боярские с самим воеводой позади. Было предусмотрено на случай татарской вылазки конное подкрепление: князь Ив. Мстиславский со своим полком должен быть «на конех», «а велел государь того беречи: вылезут люди конные на князя Михайла, и князю Ивану делати, сколько бог поможет». Отбив татар, стрельцы и казаки становятся «по рву града и стреляху», а затем их отводят к поставленным турам, и они окапываются.

При отбитии вылазки Зейнеш-князя с ногаями из Збойливых ворот на туры, «воеводам же зрящим, и припустиша их близко тур, и удариша на них стрельцы из пищалей, такоже и воеводы (очевидно, с конными детьми боярскими. С. М.) нападаша на них и побиша их».

Если стрельцы не действуют вместе с конницей, то непременно ходят «во рву», «в закопех», за турами или на осадной башне. Они никогда не выступают перед нами как участники рукопашной схватки. При приступе к Арскому городку велено было детям боярским «пешим пойти ко острогу», «стрельцы же из множества пищалей стреляху... и грому зучну бяшу от пищалей». При штурме Казани 2 октября боярским людям, стрельцам и казакам велено было, как и в других случаях, «приступать наперед», но затем в описании самого штурма и сечи на улицах о стрельцах ни слова: эти бои ведут дети боярские. Выше было отмечено, что автор плана Гондиуса предполагает необходимым содействие стрельцам со стороны дворянской конницы.

Отличие стрельцов от западноевропейской пехоты заставляет нас вспомнить об одном уподоблении, неоднократно встречающемся и в записках иноземцев, и в русских памятниках, а именно, о сопоставлении стрельцов с янычарами. Не думаю, чтобы это сближение было навеяно лишь политической ролью московских стрельцов в последний период их существования, так как оно встречается и у таких авторов, как Коллинс и Рейтенфельс, писавших значительно раньше. Рейтенфельс, например, говорит следующее: «главная сила русских заключается в пехоте и совершенно справедливо может быть уподоблена турецким янычарам»²⁵.

Много позднее, рассказывая о стрельцах, Манштейн пишет: «их ближе всего можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражении и имели почти одинаковые с ними преимущества»³⁶. С другой стороны, к этому сопоставлению приходит и Крижанич, который, ориентируясь на русского читателя, называет янычар стрельцами. Я предполагаю, что основанием для этого сближения могло быть не только положение стрельцов в государстве в последний период их существования, но и тот факт, что янычары, которые были все сна-

Рис. 7. Стрелец. (Зарисовка из альбома Пальмквиста).

чала лучниками, а затем мушкетерами, не имели, как и стрельцы, в своем составе копейщиков. Пехоты, вооруженной пиками или копьями, у турок не было вовсе. Эта особенность должна была бросаться в глаза иностранцам, как отличие от западноевропейского войска.

Господство с самого начала огнестрельного оружия в вооружении стрельцов является, вероятно, одной из причин значительной устойчивости тех форм, в которых существовало это войско на протяжении 150 лет своей истории. Западная пехота в своем развитии от профессиональных войск XVI века с их тактикой массивных построений и преобладанием пикинеров к постоянным армиям XVIII века с их линейной тактикой проходит через ряд этапов. Этим этапам незаметно в истории стрельцов. Мы остановимся ниже на замене фитильного замка кремневым в XVII

веке, замене, важной по своей связи с процессом, подготовившим полную перестройку военной организации. Но при этом конец для стрельцов приходит сразу, застигая их в видимом внешнем расцвете и в тех организационных формах, какие они имели в основном с самого начала.

Вместе с тем однородность стрелецкой массы в отношении оружия и всех зависящих от него различий образует фон, на котором тем ярче выступает социальная дифференциация в среде стрельцов: она подчеркивает и оттеняет причины и ход этой дифференциации.

Таким образом, вопрос о наличии или отсутствии копейщиков среди стрельцов представляет не простую деталь в истории оружия и войска в России. Он существенен для правильного понимания характера стрелецкого войска, его роли и истории. Его правильное решение вскрывает своеобразие этого войска по сравнению с Западом и с войсками иноземного строя в Московском государстве.

Однако в некоторых местах вооружение стрелецкого гарнизона оказывается иным, чем указывалось выше. Например, сметная книга Владимира 1665 г. указывает в горде двух десятников с пищалями и 24 рядовых стрельца, из которых с пищалями 5 человек, с бердышами 14 человек, с топорком 5 человек. Приблизительно та же картина получается и по книгам ближайших лет. В 1674 г. указано: «у стрельцов по бердышу»; мушкеты совсем исчезли. Но ничтожный стрелецкий гарнизон Владимира имел не военное, а полицейское значение³⁷. В этом случае полное вооружение мушкетами могло рассматриваться как излишняя роскошь; во всяком случае поддержание определенных норм не было здесь предметом особой заботы.

Явление того же порядка можно наблюдать в Ярославле по переписной книге 1689 г. В именном списке стрельцов 51 человек, «бою у них 32 мушкета да 19 бердышев». У каждого, стало быть, мушкет или бердыш³⁸.

Любопытную картину представляет вооружение двух псковских приказов, о котором нам дает детальные сведения «Высылная книга» этих стрельцов, посланных на службу в В. Луки в 1697 г. Она показывает, как сильно могло в отдельных случаях в эти годы расходиться наличное оружие с нормами стрелецкого вооружения. Она дает интересные сведения и о значении, какое могло иной раз иметь собственное оружие.

Мушкеты или пищаля здесь не только не представляют оружия всех стрельцов, но и далеко не занимают господствующего места. Наряду с ними видим стрельцов с одними бердышами, и с саблями, и с копиями, и с алебардами. Причем это оружие большей частью не казенное, а свое. Свожу данные «Высылной книги» в таблицу:

1-й полк подполковника Кокошкина

	1 сотня	2 сотня	3 сотня	4 сотня	5 сотня
«С бердышами своими»	61 чел.	49 чел.	53 чел.	49 чел.	57 чел.
«С пищалями и бердышами своими»	16 "	23 "	23 "	15 "	22 "
«С мушкетами казенными»	6 "	6 "	9 "	13 "	5 "
«С копиями своими»	15 "	12 "	7 "	13 "	7 "
«С самопалами своими» (или «с пищалями своими»)	11 "	—	2 "	—	—
«Без ружья»	—	—	1 "	1 "	1 "
«С протазанами»	4 "	—	—	—	—
Итого, без пятидесятников	116 "	90 "	95 .	91 .	92 "

	1 сотня	2 сотня	3 сотня	4 сотня	5 сотня
«С бердышами своими»	54 чел.	12 чел.	79 чел.	13 чел.	16 чел.
«С пищалями и с бердышами своими»	17 "	89 "	13 "	1 "	1 "
«С казенными мушкетами и с бердышами своими»	16 "	—	—	—	—
«С копиями своими»	36 "	2 "	2 "	2 "	2 "
Оружие не указано	—	1 "	2 "	77 "	74 "
Итого, без пятидесятников . . .	123 "	104 "	96 "	93 "	93 "

Примечание: Пятидесятники в 1-м полку — с алебардами, а во 2-м, в тех случаях, где их оружие указано, с протазанами, пятисотенные дьячки и пристава — с саблями.

Крайняя пестрота вооружения здесь наблюдается не только по сотням, но и внутри отдельных десятков. Вот, например, десятки 3-й сотни 1-го полка. В первом десятке: «пятидесятник с алебардой, знаменщик и барабанщик со своими бердышами, 4 рядовых со своими бердышами, 2 со своими пищалями и бердышами, 1 без ружья; во втором десятке: десятник со своей пищалью, 8 рядовых со своими бердышами, 1 со своим копьем и т. д. Нет никакой правильности в распределении этих разных видов оружия и незаметно попыток собрать в одно подразделение лиц, вооруженных одинаково.

Очевидно, мы имеем здесь дело не с намерением вооружить стрельцов по-разному, а с резко отстающим от нормы действительным наличием оружия. Это особенно подчеркивается тем, что оружие большей частью не казенное, а свое. Обращаю внимание на то, что военных действий в тот момент и в тех местах, куда посылают эти два приказа, не было, и что стрельцы в 1697 г. уже не пользовались прежним вниманием.

Несущественными, с точки зрения интересующего нас вопроса, являются сведения об оружии, которым бывали наделены стрельцы во время торжественных царских выходов, когда одни из них шествовали с золочеными пищалями, другие с такими же копиями или алебардами, украшенными шелковыми кистями, а некоторые с батожками и палками «от утеснения нижних чинов людей»³⁹. Не приходится принимать во внимание и оружие, которым стрельцы расправлялись с боярами и приказными людьми в дни бунта 1682 г. Они, разумеется, должны были действовать тогда холодным оружием и предпочтительно на длинных древках⁴⁰.

Итак, несмотря на отдельные факты отступления от норм и на использование стрельцами в некоторых случаях гранат и холодного колющего или рубящего оружия, мы можем повторить на основании сделанного обзора, что основное оружие стрельца на всем протяжении истории этого войска — это ручная пищаль, самопал или мушкет, под каким бы из этих имен оно не выступало⁴¹. Но это оружие само не оставалось в течение этого времени неизменным. В XVII веке происходит постепенное вытеснение мушкетов с жагрой и фитилем мушкетами с кремневым замком. Этот процесс, оставивший свои следы в источниках, но не отмеченный в литературе, не миновал и стрельцов.

Рис. 8. Стрельцы (№ 130), дворянская конница (№№ 128, 129) и войска иноземного строя. (Рисунки на плане, гравиров. Гондиусом).

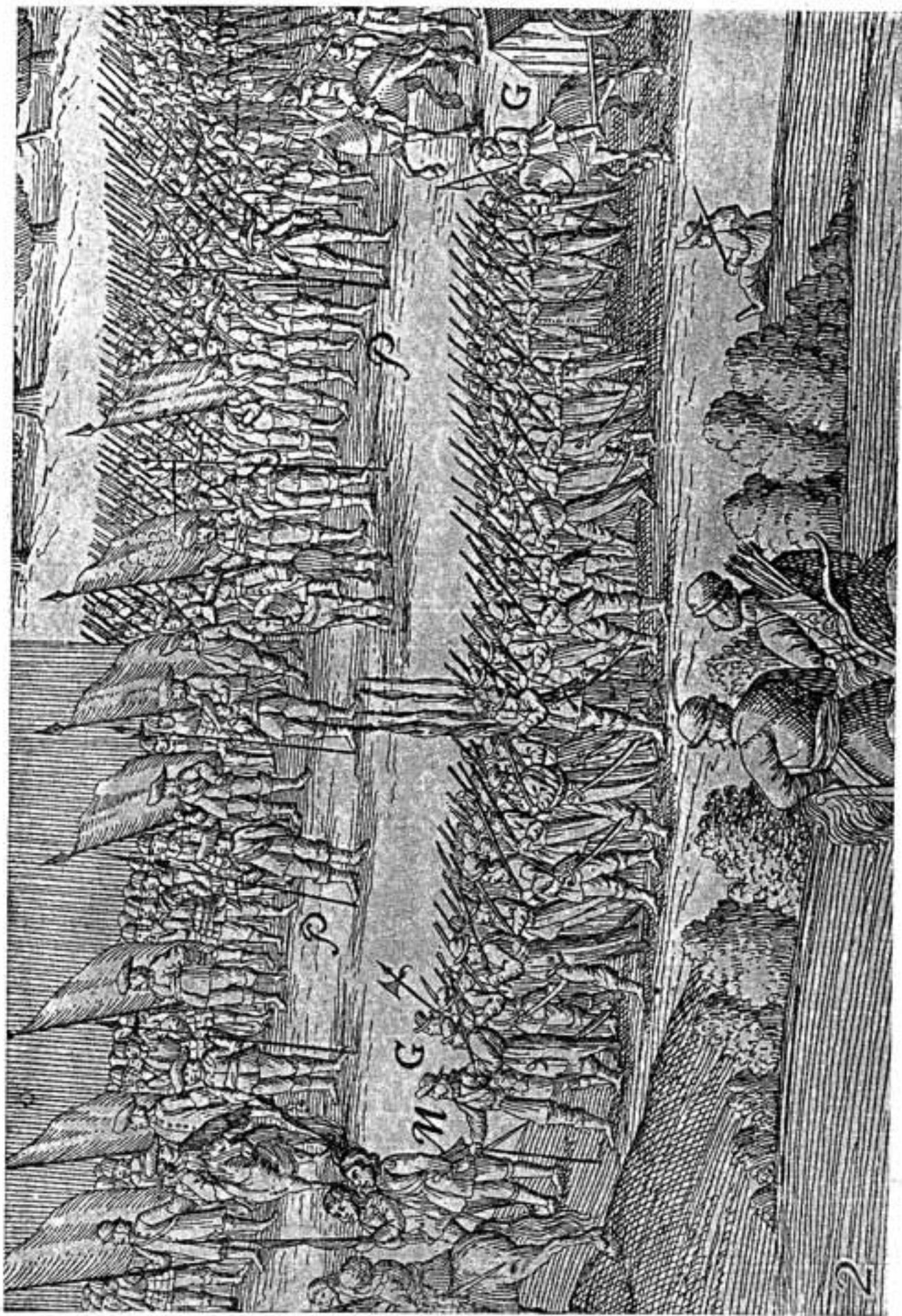

Рис. 11. Стрельцы и дворянская конница. (Рисунки на плане, гравиров. Гонднусом).

Уже в 1637 г. в указе воеводе г. Оскола говорится о необходимости пересмотреть у стрельцов пищали, «чтобы у них пищали и у пищалей замки были добрые, и кременье было запасное»⁴².

В 1638 г., во время прозводства работы на засечной черте в Алексине, присланным туда вяземским стрельцам были выданы мушкеты с жаграми. Стрельцы, по сообщению засечного воеводы, заявили, что «они из таких мушкетов з жаграми стрелять не умеют, и таких мушкетов преж сево у них з жаграми не бывало, а были де у них и ныне есть пищали старые с замки»⁴³.

К 1651 г. относится документ о приеме 27 360 «кремения пищального» целовальниками в г. Короче и о раздаче его детям боярским, казакам и стрельцам, «всякому человеку по 20 кремней», за что взято было с 24 стрельцов, т. е. за 480 кремней, 16 алтын⁴⁴. Год 1651-й а тем более 1637 и 1638 гг. — время для распространения кремневого ружья ранее, принимая во внимание, что во Франции даже Лувуа не допускал еще его на вооружение пехоты. Неудивительно, что мы имеем свидетельство и от позднейшего времени о сохранении — иногда полном, иногда частичном — на вооружении стрельцов фитильных ружей. Подобные указания можно найти в документах, изложенных и цитированных выше. В описи оружия 8 приказов московских стрельцов 1680-х годов⁴⁵ в припасах их мушкеты с жагрой резко преобладают, но на руках у стрельцов, видимо, имеется и значительное число кремневых ружей, судя по наличию в припасах «кремней к замочным ружьям». В 1675 г. в Кунгуре выдается стрельцам для учения вместе с порохом и фитиль⁴⁶. В 1678 г. в отписке Новгородского воеводы о высылке в Путивль боевых припасов в их перечне указано «20 пудов фитилю для того, что у многих стрельцов мушкеты с жагры»⁴⁷. До 70-х годов XVII века фитильные мушкеты оставались, вероятно, господствующими. Переведенный с немецкого и напечатанный в 1647 г. устав «Хитрости ратного строя» в своих многочисленных предписаниях относительно приемов стрельбы из мушкета предполагает этот старый тип ружья.

Какие же требования предъявляло подобное оружие к воину, к его подготовке и организации войска?

Обращение с фитильным ружьем требовало, как известно, большого искусства и длительной профессиональной выучки. Чтобы убедиться в этом стоит только заглянуть в упомянутый устав «Хитрости ратного строя». Мы увидим там, что производство каждого выстрела было сопряжено с необходимостью проделать ряд детально разработанных, трудных и опасных для непривычного человека манипуляций с зажженным фитилем, насыпаемым на полку порохом и тяжелым мушкетом, опирающимся на сошку или бердыш.

Вот описание обращения с мушкетом, заимствованное у историка средневекового военного искусства: «томительно, сложно и в высшей степени опасно было обращение с огнестрельным оружием, снабженным фитильным замком. Прежде всего, зажигание фитиля кремнем, огнивом, трутом и серой (если не было под рукой другого зажженного фитиля или лагерного костра); затем надо было позаботиться, чтобы оградить фитиль от сырости, нужна была осторожность, чтобы оградить себя, свою одежду и аммуницию от тлеющего фитиля. Далее идет скучная процедура заряжения порохом из маленького патрона и пуль из сумки. Наконец, насыпание пороха на полку, причем после того, как она закрыта крышкой, требовались сильные легкие для того, чтобы сдуть лишний порох изо всех щелей замка из опасения, что он может случайно воспламениться. Если не надо было стрелять тотчас или вскоре

после этого, то в большинстве случаев необходимо было замазать крышку полки, для вящего ограждения пороха, калом — операция несколько нечистоплотная; затем вправляли фитиль в отверстие курка, не слишком вытягивая его вперед, иначе он не попадет на полку, а также не слишком назад, а то он может потухнуть; всаживать надо было фитиль не слишком плотно, ибо, по мере сгорания, его опять приходилось вытягивать, но и не слишком свободно, а то он мог легко проскользнуть сквозь зажим курка и потухнуть; в то же время непрерывная забота, как бы горящие концы фитиля или искры от него не попали в открытую пороховницу или на платье»⁴⁸.

Насчитывали по уставам до 95 приемов, потребных для заряжения и стрельбы. В записках иностранных путешественников можно встретить часто упоминания о несчастных случаях во время салютов, производимых стрельцами, когда сами стреляющие оказывались пораженными из-за разрыва ствола, сильной вспышки пороха и т. п. Стрельба была так сложна, что, по расчету инструкторов-иноземцев, на каждого солдата приходилось 12—16 выстрелов за время сражения⁴⁹.

Естественно, что для создания пехотного войска, вооруженного огнестрельным фитильным оружием, было недостаточно людей, обязанных ратной службой феодального типа, или даточных, распускаемых после похода. Нужны были получающие свое содержание из казны, поселенные в городах, стрелки-профессионалы. Этой потребности и должно было отвечать в своем устройстве стрелецкое войско.

В заключение отметим значение перемен в вооружении, намечающихся в XVII веке, как одной из предпосылок ликвидации стрелецкого войска в конце этого столетия.

Образование постоянного войска в виде, прежде всего, вооруженной ручным огнестрельным оружием пехоты, составляет очень важный элемент в формировании феодально-абсолютистской монархии. Таким войском явилось в истории Московского государства стрелецкое войско, возникшее в годы, которые составляют наиболее заметный рубеж во всем внутреннем и внешнем развитии этого государства. В отличие от Западной Европы, наемные профессиональные отряды, вербуемые кондотьерами и переходившие на службу от одного государя к другому, здесь не сыграли крупной роли; постоянное войско в России сложилось не из этих элементов, а как наследственная по характеру своей службы и национальная по своему составу и масштабу категория служилых людей, непосредственно подчиненных центральной власти. Оно появилось здесь раньше, чем в большинстве стран Западной Европы, где постоянные войска складываются главным образом в эпоху Тридцатилетней войны. Как по своей насыщенности огнестрельным оружием, так и в некоторых отношениях по своим организационным формам, стрелецкое войско опережало пути развития западноевропейской пехоты в течение XVI—XVII веков.

Но, с другой стороны, практические условия быта стрельцов оказывались гораздо более неблагоприятными для функционирования их в качестве постоянной армии и для достаточно гибкой эволюции при изменении военно-тактических требований, чем наемные «компании» солдат-профессионалов, из которых сколачивались армии на Западе. Казенное жалование не сделалось общей и неперменной основой устройства стрелецкого войска; оно частично заменялось земельным верстанием, а частично сочеталось с промыслами и торговлей на посадах. Получалась пестрота условий, создававших разные типы стрелецких поселений. Таковы, во-первых, стрелецкие слободы городов, имевшие пре-

имущественно военное значение, где не было земельных наделов и где не получали большого развития промыслы; во-вторых, недавно устроенные или переведенные гарнизоны, не успевшие завязать большие местные связи; в-третьих, поселения пашенных стрельцов-земледельцев с наделами, тянувшимися вдаль от города, в которых создавался свой особый круг интересов и забот; наконец, старые слободы с прочно осевшим населением, примыкавшие к большим посадам с оживленными торговыми и промысловыми связями.

Во взаимоотношениях стрелецкой слободы, с одной стороны, и посада—с другой, мы наблюдаем противоречивое сочетание стремления к обособлению слободы и тенденций, подчинявших ее общим условиям жизни города. Обособление создавалось изъятием из тягла, судебной властью стрелецкого начальства, промысловыми льготами стрельцов, установлением особого режима внутри слободы, известной территориальной замкнутостью и, наконец, службой, но связь слободы с посадом была сильна силой единства классовых интересов их обитателей. Это единение с посадом воспроизводило в то же время внутри стрелецкой слободы те различия, которые имели место в среде посадского населения, создавая и бобыля, и бездворового стрельца, и стрельца-хозяина ремесленного или торгового предприятия с наемными работниками, и крупного купца или подрядчика.

Характеризуя историческое значение развития огнестрельного оружия, Энгельс говорит: «Огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства; неприступные до тех пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их ружей пробили рыцарские латы»⁵⁰. В России политическая роль города в возвышении самодержавной монархии и роль городских элементов в формировании ее военной опоры были менее заметны. Но и в Московском государстве стрелецкое войско в известной мере явилось силой если не посада, то связанной с посадом, испытывавшей на себе его давление и передававшей это давление дальше; и это давление росло по мере роста самого посада.

Пашенные стрельцы, связанные больше с уездом, чем с посадом, подвергались действию общих условий, разлагавших среду промежуточного между крестьянами и молкопоместным дворянством слоя служилых людей, наделенных земельными дачами.

У основной массы населения стрелецкой слободы был и общий с массой черного посадского и уездного населения классовый противник. Перед стрельцами он являлся прежде всего в лице их начальных людей. Грань, отделявшая стрельцов, как один из элементов посадских и уездных людей, от господствующего дворянского землевладельческого класса, проходила по линии, лежавшей между пятидесятником и сотником.

Эти условия делали весьма своеобразным положение стрелецкого войска в дворянской монархии, которая должна была рано или поздно пожелать избавиться от стрельцов. В тесной связи стрельцов с посадом, а иногда и с уездом, в тех откликах, которые обнаруживаются в стрелецкой среде на все перипетии классовой борьбы в Московском государстве XVII века, и лежит одна из основных предпосылок ликвидации стрелецкого войска в бурных событиях конца этого столетия. К этому надо прибавить, что и самое расширение Московского государства XVII века, и сопутствовавшие ему сдвиги в распределении его военных сил, подрывали основы стрелецкого быта.

Действительно, если мы сравним данные о местонахождении и величине стрелецких гарнизонов в последней четверти XVII века, например, по описи городов 178 г. (т. е. 1670 г.), с теми сведениями, которые у нас имеются от более раннего времени, то найдем большие перемены в их размещении и численности. Если в конце XVI и начале XVII веков большие стрелецкие слободы, обитатели которых иногда составляли большинство населения целого города, мы находим в заокских, рязанских и украинских местах, то теперь там число стрельцов невелико, зато их много в городах Севского и Белгородского полков и в нижнем Поволжье. В Туле в 1636 г.⁵¹ было 230 стрельцов, а в 1678 г. их стало 79; в Рязани было 200, стало 24; в Калуге вместо 386 осталось 100. Зато в Севске в 1678 г. — 353 стрельца, в Брянске — 206 (50% жителей), а в 1682 г. — 325; в Путивле 391, в Козлове и Карпове, еще не существовавших в 1630-х годах, — 188 и 211⁵². В Самаре, Саратове, Царицыне и Уфе в 1632 г. было по 200—300 стрельцов, а в 1661—1663 г. уже по 500 человек.

Примеров падения числа стрельцов в одних районах и роста его в других можно было бы дать очень много. Эти сдвиги исследованы весьма полно в работе П. Смирнова о городах XVII века, откуда заимствованы некоторые из приведенных цифр. Длительная война за Украину и Прибалтику в 1654—1667 гг. надолго, а то и совсем отрывала стрельцов от их слобод и порывала их местные связи. Служба в «малороссийских городах» требовала больших стрелецких контингентов. Ряд приказов, особенно после 1682 г., были переведены из Москвы на житье в провинцию с сохранением наименования «московских» и с прежними окладами, но они в действительности были оторваны от Москвы навсегда. Старые слободы, с их столь важными для стрелецкого быта связями, хиреют или вовсе уничтожаются. На новых местах надо заводить все сызнова. Это создает особую специфику стрелецких требований и протестов, особые причины для их недовольства, помимо участия в общей классовой борьбе посада.

Развившись в пору большого расширения Московского государства в середине XVI века, и приспособившись к создавшимся тогда географическим условиям, стрелецкое войско ненадолго пережило новое расширение государства в середине следующего столетия и произведенные им новые сдвиги.

Следует учесть и то влияние, которое могло оказать на судьбу стрельцов ослабление роли дворянской конницы, прогрессирующее на протяжении XVII века. Мы видели, что между ними должна была существовать тесная связь, что их тактика предполагала взаимную поддержку. Постепенное отмирание дворянского ополчения и падение стрелецкого войска — процессы, отнюдь не протекавшие изолированно один от другого.

Но наряду с указанными соображениями, как предпосылка ликвидации, важна и эволюция того оружия, которое имело определяющее значение для стрельца, как воина.

Распространение кремневого ружья, к которому вскоре присоединяется штык, и зарождающаяся новая тактика линейных построений, не требовали той ловкости и опытности в обращении с ружьем, какие нужны были стрельцу-мушкетеру, державшему в руках пицаль с жагрой и фитилем. Но они требовали зато строевой выучки, муштры под офицерской палкой, умения участвовать в новых, сложных боевых построениях. Чтобы научить этому стрельца, его нужно было оторвать от слободы, от его торговых, ремесленных и сельскохозяйственных занятий. «Система военного обучения этого периода — говорит Энгельс о XVII

и XVIII веках — была более сложной, чем когда-либо, и никому, кроме служившего всю жизнь солдата, не удалось бы достичь при ней хотя бы малейшего успеха»⁵³. Если первая фаза развития ручного огнестрельного оружия и его боевого значения вызвала появление стрелка-специалиста, то дальнейший его ход требовал уже иных форм военной организации.

Распространение и усовершенствование ружья делает его оружием не только стрельца, но и всех видов ратных людей. В сообщениях о вооружении дворян, относящихся к XVI или началу XVII века, наряду с саблями постоянно фигурирует лук. Характерно противопоставление оружия пицальников и дворян в летописном рассказе об их столкновении в 1516 г. Во второй половине XVII века картина не та: огнестрельным оружием, т. е. главным образом кремневым мушкетом, вооружен и городской казак, и сын боярский⁵⁴. Думается, что в этом заключалась одна из причин развития конкурирующих со стрельцами войск иноземного строя, вербуемых главным образом из мелкого дворянства: при том же огнестрельном оружии их социальный состав был более благоприятен для господствующего класса. Но дальнейшее развитие пошло не по этому пути. Войска иноземного строя так же мало удовлетворяли новым военно-административным и тактическим требованиям, как и стрельцы. На смену и тем и другим шла армия, которая состояла из людей, взятых из народной массы, но в которой они были навсегда оторваны от родной почвы, поставлены под ежеминутное наблюдение дворянина-офицера. Стрелец, который мог торговать на рынке рядом со своим пятидесятником, а то и сотником, был от этого далек.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen S. 250—251. Брикс делает при этом ссылку на Висковатова и Беляева, сопровождая ее оговоркой: „Hierbei ist zu bemerken, daß sich von einer solchen Einteilung, wie in den neben berechneten Werken (т. е. у Беляева и Висковатова. С. М.) angegeben ist, in dem Russischen Quellen jener Zeit, weder in den Vorschriften über Ausbildung noch in denen über Bewaffnung oder Verpflegung irgend etwas findet, was auf das Bestehen von Pike-nieren unter den Strelzen hindeutet“.
- ² «Москва в прошлом и настоящем», ст. «Войско в Москве в XVII в.», стр. 69.
- ³ «Исторические записки», кн. 4, 1938 г.
- ⁴ «Писцовые книги Моск. государства», т. II, стр. 1591.
- ⁵ «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», ч. 2, стр. 44.
- ⁶ См. «Ученые записки» кафедры истории СССР Моск. обл. педаг. ин-та, вып. I, мою статью «Начало стрелецкого войска».
- ⁷ ПСРЛ, т. VI, 310.
- ⁸ ПСРЛ, т. XIII, 298.
- ⁹ Чт. ОИДР, 1847 г., № 7.
- ¹⁰ Лишь некоторые из них содержат данные об оружии.
- ¹¹ Разр. книги, т. I, стр. 65.
- ¹² Там же, стр. 434.
- ¹³ Там же, стр. 507—619.
- ¹⁴ В этом документе даты нет, почему он и значится в описи Московского архива Министерства юстиции как «неизвестного года». Он влетен в книгу, в которой встречаются дела с 7167 по 7206 г., но по именам голов можно дать указанную датировку.
- ¹⁵ Его в дальнейшем изложении не касаюсь, так как артиллерия стрелецких приказов обслуживалась не стрельцами, а пушкарями.
- ¹⁶ ЦГАДА, Разр. приказ, книги Белгородского стола, № 98.
- ¹⁷ Разр. приказ, столбцы Белгородского стола, № 738.
- ¹⁸ Там же, № 98.
- ¹⁹ Разр. книги, т. II, стр. 1314—1321.

²⁰ Рюстов, «История пехоты», стр. 33—34.

²¹ Разр. книги, т. II, стр. 1168.

²² Тут фигурируют приказы: Гр. Титова, Сем. Грибоедова, Вас. Тяткина, Алекс. Карандеева, Матв. Вишнякова, Ник. Борисова Мещеренинова, Дохтурова, Ст. Янова, но о некоторых из них почти ничего не сказано.

²³ Разр. приказ, разрядные вязки, № 8, дело № 25.

²⁴ Разр. приказ, дела разных городов, кн. № 15.

²⁵ Разр. приказ, разр. вязки, № 1, ч. I, дело № 105.

²⁶ Разр. приказ, дела разн. городов, кн. 5.

²⁷ Вор. Акты, т. II, стр. 170.

²⁸ Багaley, «Материалы по истории колонизации и быта», т. II, стр. 37.

²⁹ Доп. АИ, т. IX, стр. 227.

³⁰ Разр. приказ, столбцы Белгородского стола, № 959.

³¹ Доп. АИ, т. VIII, стр. 30.

³² Разр. приказ, столбцы Новгор. стола, №№ 305, 185, где наказы головам в В. Луках, Ржеве и Владимире разных лет.

³³ Бердышей на этих изображениях нет. Наиболее раннее упоминание о них, как оружия стрельцов, находим у Флетчера. В самом начале бердышей, повидимому, не было. Можно думать, что они появились под влиянием обнаружившейся на практике потребности в подкреплении стрельца холодным оружием и в качестве подпорки при стрельбе из пищали.

³⁴ «Историческое известие о странных чинах в России», § 44, «Стрельцы», в т. XX «Древней Российской Вивлиофики».

³⁵ Рейтенфельс, т. III, гл. 3, стр. 125. Он пытается дальше продолжать свое сравнение, но делает это довольно неудачно, подбирая не те черты: «Солдаты женятся, более, впрочем, по приказанию царя, нежели по своему собственному желанию и, будучи посланы в отдаленные и не населенные области не только несут там охранную службу, но и основывают там поселения (colónias) по образцу римских военных поселений». Что здесь речь идет о стрельцах, видно из того, что Рейтенфельс говорит дальше о втором роде войск — дворянской коннице и о третьем — обученных по западному образцу как конных, так и пеших воинах. См. также Коллинс, стр. 34.

³⁶ «Записки о России», стр. 309.

³⁷ В 1698—99 гг. во Владимире оставался всего один стрелец.

³⁸ Разр. приказ, дела разн. городов, № 12.

³⁹ Забелин, «Домашний быт русских царей», т. I, стр. 413.

⁴⁰ На рисунках записок Крекшина в руках у стрельцов видны большею частью протазаны или рогатины, реже копыя и бердыши.

⁴¹ Весьма трудно провести границу между значением и временем употребления этих трех наименований ручного огнестрельного оружия.

⁴² Багaley, «Материалы по истории колонизации и быта», т. II, стр. 32.

⁴³ Яковлев, «Засечная черта», стр. 106.

⁴⁴ Разр. приказ, книга Денежного стола, № 87.

⁴⁵ См. стр. 22—23.

⁴⁶ АИ, т. IV, стр. 560.

⁴⁷ Доп. АИ, т. IX, стр. 80.

⁴⁸ Цит. по Дельбрюку, т. IV, стр. 39—40.

⁴⁹ АМГ, т. III, стр. 34.

⁵⁰ «Анти-Дюринг», М., 1933 г., стр. 119.

⁵¹ По данным разрядных книг.

⁵² «Опись городов», I Доп. к АИ, т. IX, стр. 219—314.

⁵³ «Пехота». Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. I, стр. 482.

⁵⁴ См. многочисленные сметные списки городов в архиве Разр. приказа в ЦГАДА.